

СЕРГЕЙ ПЛАХОТНИКОВ,
*директор школьной
психолого-педагогической
службы, Москва*

Кто-то скажет, что не надо допускать проявлений детской агрессии и хамства в своём присутствии, но в том-то и дело, что нам всё чаще приходится думать о том, что происходит с детьми в наше отсутствие. Иначе школьники превращаются в партизан, которые чинно ведут себя в присутствии взрослых-оккупантов и совершенно распоясываются, когда остаются среди ровесников. Особенно, если речь идёт о детях из трудных семей.

ПЕТЬКА

ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ КЛИЕНТ КЛАССА КОРРЕКЦИИ

Когда я вошёл в здание средней школы, Петька сидел на столе в вестибюле и разговаривал с уборщицей. Признаться, я и сам частенько не прочь присесть на парту. Бывает, в пылу жаркого спора или содержательной беседы забываешься и, слегка облокотившись на крышку школьного стола, нечаянно перенесёшь на неё большую часть своего веса. Но Петька сидел на столе с ногами, демонстративно поставив на него кроссовки.

ПЕРЕТЕРПЕТЬ?

Если бы не предыдущий опыт общения со Петькой, я бы, пожалуй, прошёл мимо. Во-первых, школьные уборщицы – дамы не робкого десятка, и, если этому белобрысому сорванцу позволено так вот сидеть, значит, у женщины на то есть свои резоны, а, во-вторых, мальчишка мог меня просто не послушать, и хорош бы я был со своими увещеваниями. И в-третьих, буквально три месяца назад я своей рукой записал шестилетнего Петьку в первый класс, более того, он слышал, что я «не просто так себе, учитель, а всё-таки директор»...

Пройдёт целых четыре недели с того момента, как я застал Петьку на столе. Много воды утечёт. Мы узнаем, что он умеет материться, что он трусоват и строит за спиной

учителя рожу, что ему доставляет удовольствие сидеть на крыше гаража, что у него уверенная рука при письме, он быстро соображает и мало говорит о прошлом.

На второй неделе Петькина учительница Ольга Петровна подойдет ко мне, сетуя, что не может увести мальчишку с улицы, а он бегают по гаражам и кидается камнями в Антона и Максима. Понятно, что я не должен сгонять Петьку с гаражей, я не должен вмешиваться в отношения учителя и ученика. И Ольга Петровна это понимала. Единственный вариант – перетерпеть. И Ольга Петровна терпела. Она ходила между классом и улицей (благо, время было послеурочное) и искала веский предлог, чтобы обуздать сорванца. «Может, вы уведете Максима и Антона? А Петька потом сам сползёт с крыши?» – в конце концов попросила она меня.

Я пошёл на улицу и сперва увёл Антона с Максимом.

Петька, увидев, что остался один, кубарем скатился с гаража и закричал, что он-де камнями не кидался. А я его и не спрашивал, я вообще пытался не обращать на него внимания.

Спустя десять минут в дверь школы ударили первые камни. Выхожу на крыльцо – на нем валяется мелкий щебень...

ПАРТИЗАНЫ И ОККУПАНТЫ

Прежде чем дальше описывать события, хочу слегка подстелить

соломки, поскольку то, что я сделал, было опять не вполне педагогично с точки зрения, заявленной учебником по педагогике.

У нас в школе вопрос «С чем пришёл тот или иной ребёнок?» становится ведущим в первые недели и месяцы. Мы не знаем, что имеет в виду первоклассник, когда заискивающе смотрит нам в глаза, когда бросается нам на шею с объятиями, когда пытается присесть на колени, когда демонстративно бегают босиком по школе, когда бьёт ровесника ногой в живот, когда посреди урока встаёт и собирается домой или вдруг начинает истошно кричать, так что весь класс включает-ся в общий ор.

Кто-то скажет, что не надо этого допускать в своём присутствии, но в том-то всё и дело, что нам всё чаще приходится думать о том, что происходит с детьми в наше *отсутствие*. Иначе школьники превращаются в партизан, которые чинно ведут себя в присутствии взрослых-окупантов и совершенно распоясываются, когда остаются среди ровесников.

Так вот, я – директор – взял камешек и бросил в Петьку. Не попал, но Петька одобрительно заулыбался. «Здорово ты придумал! – сказал он. – Давай ещё!» Директор снова взял камешек, потом ещё и ещё... Первokлассник испугался, побежал, потом остановился, потом снова побежал. «Петька, мне нравится эта

игра!» – закричал директор и потянулся за булыжником.

Здесь я, признаться, слегка переиграл. Потому что мальчишка здорово струхнул. «Камнями кидаться нельзя!» – закричал он. Но я остановился не сразу и еще сделал пару шагов в направлении Петьки. Одноклассники наблюдали за нами сосредоточенно и без улыбок. «А что, разве камнями кидаться нельзя?!» – крикнул я. «Нет-ет!» – закричал он.

В тот день до прихода мамы Петька мирно играл со своими одноклассниками.

СИЛЬНЫЙ ОБРАЗ

Петька – единственный сын нашей школьной поварихи, к тому же безотцовщина. Поэтому, категорически отказавшись ходить в детский сад, где его «зажимали» и не очень-то успели полюбить, он провел два года в стенах средней школы накоротке с уборщицами и учителями. При первой встрече он ко мне так и обратился: «Эй, ты, привет!» Я тогда сделал вид, что его не заметил, и прошел мимо, чувствуя, что озадачил сорванца. К такому отношению он не привык.

Тогда, четыре недели назад, он сидел с ногами на столе, а рядом

ютилась уборщица. «Петь, слезь со стола. Ты что, муха? Это только противные мухи или тараканы столы ногами топчут». Петька сполз со стола и сел на лавку. «Вот как он мужчин-то слушается», – сказала уборщица, не скрывая удивления. Признаться, я и сам удивился. «Совсем другое дело», – одобрительно сказал я и пошел по школьным делам, думая, что, как только отойду подальше, мальчишка снова заберётся на стол. Нет, не забрался. Видно, насекомые мне помогли, сильный оказался образ.

Образы человеческих отношений различны. Первоклассница Ира, как только меня видит, так бежит, обнимает что есть сил и утыкается носом, извините, в пупок. За учебный день я ей позволяю так с собой поступать только один раз. А потом говорю: «Мы сегодня уже обнимались», – и Ира останавливается. Что бы сказал Фрейд? Что бы сделали с нами американоподобные блюстители нравственности?

Но я знаю, что скоро все эти объятия прекратятся и выльются в продуктивные учебные отношения, в разговоры о том, что получилось, что нет, какие неточности и т.д. А пока общаемся так, как умеем.